

В процессе становления человека духовного объективно доминируют социально-гуманитарные знания.

Вместе с тем следует признать, что в обществе XXI-го века не сложился комплекс условий для формирования человека духовного. Такие испытанные практикой ценности как образованность, профессионализм, эрудиция, стремление к непрерывному самообразованию, бескорыстие, готовность к самопожертвованию нередко оказываются вытесненными прямо противоположными характеристиками, антиценностями: неуёмным потребительством, стремлением к наживе, индивидуализмом, невежеством, посредственностью, безразличием...

И всё – так общество сможет существовать и динамично развиваться как целостность при условии, что его главной составной будет человек духовный. Сегодня таких людей меньшинство, и этому меньшинству предстоит вывести духовность на первое место в системе всех ценностей человека, так как утрата духовности ведёт к деградации личности, глубинной трансформации общества.

Список использованных источников

1. А.А. Горелов. Культурология. Учебное пособие. М., 2002.
2. Политология. Под редакцией профессора С.В. Решетникова. Мн., 2001
3. Ю.Г. Волков. Социология. Под общей редакцией доктора философских наук, профессора В.И. Добренькова. Москва, Ростов – на – Дону, 2005
4. Л. Мельникова, Ч. Кирвель, В. Карпинский. Социогуманитарное образование как фактор национальной безопасности. \ Беларуская думка, 2007, № 5
5. Кирвель Ч. НОМО CONSUMENS: болезнь, угрожающая миру. Беларуская думка, 2007, №10

УДК.378.026.9

ФИЛОСОФСКОЕ ПОНИМАНИЕ ПРОБЛЕМЫ САМОПОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

А.С. Баранова

УО «МГЛУ», г. Минск, Республика Беларусь

Самопознание личности – процесс познания смысла жизни, места человека в ней. В процессе самопознания осмысливаются черты характера, поступки в связи с универсальностью человеческого бытия.

Ж.-Ж. Руссо в «Исповеди» поставил задачу на собственном примере раскрыть человека во всей правде его природы. Взгляд Руссо на собственную личность имеет большое значение для понимания педагогики Руссо. Философ размышляет об индивидуальности и неповторимости человеческой личности: «Я один. Я знаю своё сердце и знаю людей. Я создан иначе, чем кто-либо из виденных мною; осмеливаюсь думать, что я не похож ни на кого на свете. Если я не лучше других, то по крайней мере не такой, как они» [2, с.188]. Чувства, яркие детские впечатления определяют судьбу человека. Чувства первичны по отношению к мышлению. Руссо считал это общим уделом человечества.

Ж.-Ж. Руссо отмечал противоречивость личности. Его сердце было и гордое, и нежное, характер был женственный и неукротимый, он склонялся то к слабости, то к мужеству, то к мягкости, то к стойкости, и это до конца жизни приводило его в противоречие с самим собой, а воздержание и наслаждение, удовольствие и благоразумие одинаково ускользали от него.

Философ отмечал большую роль умелого руководства личностью, в результате чего, несмотря на нелюбовь к принуждению, он никогда не вспоминал с отвращением о часах своих занятий, а если и усваивал не особенно много, то усвоенному научился без труда и ничего из этого не забыл. От природы он был кроток, воспитатели были также кротки, в детстве он не был ни свидетелем, ни жертвой каких-либо злобных чувств, всё питало в его сердце склонности, заложенные природой, самой большой радостью для него было видеть, что все довольны им и всем вокруг. Поэтому первое ощущение насилия и несправедливости так глубоко запечатлелось в его душе, что все мысли будили волнение; и это чувство, в своём истоке относившееся лично к нему, так упрочилось и так отрешилось от всего личного, что при виде любого несправедливого поступка или даже при рассказе о несправедливости, над кем бы и где бы её ни совершили, его сердце так горело негодованием, как будто он сам являлся жертвой. Впоследствии грубый и резкий человек омрачил его радостное

детство, огрубил его ласковый, живой характер. От брани, побоев, чтения украдкой и без разбора он сделался молчаливым и угрюмым. Любовь к воображаемым предметам и лёгкость, с которой он заполнял ими свой внутренний мир, окончательно отвратили его от всего окружающего и определили склонность к одиночеству, оставшуюся с этих пор навсегда. Ж.-Ж. Руссо заметил странные результаты умонастроения. С виду настроение было мизантропическое и мрачное, но в действительности это всё происходило от слишком благожелательного, слишком любящего, слишком нежного сердца, которое, за отсутствием существ, похожих на него, вынуждено питаться воображением. Философ отметил, что пламенность желаний сдерживала его страсти и делала ленивым в осуществлении своих желаний. К шестнадцати годам он был беспокойным, недовольным всем и собой, без расположения к своему ремеслу, без развлечений, свойственных юности, снедаемый смутными желаниями, плача без причины, вздыхая неведомо отчего и нежно лелея свои химеры, ибо вокруг не видел ничего равноценного им.

Ж.-Ж. Руссо понимал счастье как неизменное состояние, не созданное для человека в этом мире. Всё изменяется вокруг человека, изменяется он сам, и никто не может быть уверен, что завтра будет любить то же, что любит сегодня. Поэтому все мысли человека о счастье в этой жизни он считал химерами. Философ писал о том, что ему редко случалось видеть счастливых людей, однако часто встречал довольные сердца. Хорошо обдумав вопрос о том, какого рода наслаждение он испытывал, доставляя людям удовольствие, философ обнаружил, что удовольствие это заключается не столько в чувстве благоденствия, сколько в радости видеть довольные лица. И хотя это было наслаждение от ощущения, причину его философ считал нравственной, и доказательством этого было то, что то же самое зрелище было не только неприятно, но и не нравилось ему и даже вызывало негодование, если он знал, что признаки наслаждения и радости на лице злых говорят лишь об их удовлетворённой злобе. Одни только признаки невинной радости могли быть приятны его сердцу, признаки жестокого, насмешливого злорадства огорчали его, хотя бы даже они и не имели к нему отношения.

Л.Н. Толстой в «Исповеди» представил опыт самопознания собственной личности. Анализируя процесс душевного развития он пришёл к мысли о том, что, кроме животных инстинктов, его жизнью двигала вера в совершенствование. Цель и содержание совершенствования им не были определены. Однако он совершенствовался умственно (учился всему, чему мог и на что наталкивала его жизнь), физически (различными упражнениями вырабатывал силу и ловкость, лишениями приучал себя к выносливости и терпению), нравственно (составлял себе правила, которым старался следовать).

Л.Н. Толстой убедился в том, что процесс самопознания непрерывен, поиск смысла жизни осуществляется всю жизнь. После достижения успехов, славы к нему стали приходить минуты недоумения, остановки жизни, как будто он не знал, как дальше жить, что делать, он терялся и впадал в уныние. Страх жизни, стремление уйти прочь от неё сочетались с надеждой постичь тайну жизни. Это случилось с ним в то время, когда со всех сторон у него было то, что принято считать совершенным счастьем. Мучительные поиски смысла жизни не из праздного любопытства, а во имя спасения приводили в отчаяние. Единственным несомненным знанием, доступным человеку, была бессмыслица жизни. В процессе самопознания Л.Н. Толстой пытался найти в жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей смертью.

Познание себя для Л.Н. Толстого означало познание устройства мира и его законов. В то время, когда мускулы его росли и укреплялись, память обогащалась, способность мышления и понимания увеличивалась, он рос и развивался, чувствовал в себе этот рост, естественно было думать, что это-то и есть закон всего мира, в котором он найдёт разрешение вопросов своей жизни. Позже, когда рост прекратился, он понял, что законов бесконечного развития не может быть. Л.Н. Толстой пришёл к мысли о том, что для того, чтобы понять, что он такое, человек должен прежде понять, что такое всё это таинственное человечество, состоящее из таких же людей, как и он сам, не понимающих самих себя. Однако и это не проясняло сущности человека и цели его существования. Л.Н. Толстой пересмотрел рассуждение о том, что смысл жизни состоит в развитии и содействии этому развитию, так как неясна цель и причина этого развития. Он был убеждён в том, что развитие, совершенствование в бесконечном не может иметь ни цели, ни направления и потому не отвечает на беспокоящий его вопрос.

Мучительный процесс самопознания осложнялся тем, что на пути разумного знания Л.Н. Толстой ничего не находил, кроме отрицания жизни, а в вере не находил ничего, кроме отрицания разума. По вере выходило, что для того, чтобы понять смысл жизни, надо отречься от разума, того самого, для

которого нужен смысл. Впоследствии Л.Н.Толстой признавал единым настоящим делом действия трудящегося народа, творящего жизнь. Смысл, придаваемый этой жизни, был для него истиной.

В процессе самопознания Л.Н. Толстой понял, что он «заблудился не столько оттого, что неправильно мыслил, сколько оттого, что жил дурно»[3,с.147]. Жизнь потворства похоти была бессмысленной и злой, и это породило мысли о том, что жизнь бессмысленна и зла. Чтобы понять смысл жизни, надо, чтобы жизнь не была бессмысленна и зла. Сознание ошибки разумного знания помогло ему освободиться от соблазна праздного умствования. Л.Н. отрёкся от жизни своего круга, признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни. Он признал, что условия избытка, в которых живут, лишают возможности понимать жизнь, и что для того, чтобы понять жизнь, необходимо понять жизнь не исключений, а жизнь простого трудового народа, того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придаёт ей.

Н.А.Бердяев в работе «самопознание (Опыт философской автобиографии)» в главе XII «О самопознании. Заключение о себе» отмечал, что в «я» акт познания и предмет познания— одно и то же. Он писал: «Моя личность не есть готовая реальность, я создаю свою личность, создаю её и тогда, когда познаю себя, я есть прежде всего акт. Уже греки видели в познании самого себя начало философии. И на протяжении всей истории философской мысли обращались к самопознанию, как к пути к познанию мира» [1,с.316].Философ отмечал, что греческая философия, несмотря на лозунг «познай самого себя», стремилась к познанию единого универсального и неизменного и отвращалась от множественного и подвижного мира. Прорыв к действительному самопознанию происходил в виде исповедей, дневников, автобиографий и воспоминаний. В процессе самопознания существовали трудности, связанные с заинтересованностью в своём предмете, в идеализации самого «я». В процессе самопознания Н.А.Бердяев не ставил целью «обнаружить себя в сыром виде, обнажить себя», его целью было совершить акт экзистенциального философского познания о себе, осмысление своего духовного пути. Философ утверждал, что в подсознательных погребках каждого человека, в его низшем «я» есть безобразное, уродливое, потенциально преступное, но важно отношение к этому его высшего, глубокого «я». В «Исповеди» Ж.Ж. Руссо, в «Исповеди» Л.Н.Толстого, в работах Н.А.Бердяева содержатся размышления о том, в каком соотношении находятся это безобразное, уродливое и высшее, глубокое, что именно способствовало преобладанию одного над другим, в каких условиях проявляется то или иное качество личности. Путь самопознания— путь искания правды. Самопознание для Н.А.Бердяева — это поиск смысла жизни. Стремление к независимости повлияло на остроту и напряжённость конфликта личности, неповторимой индивидуальности с общим и родовым. Для Бердяева эта тема была основной в его жизни, но рассматривалась глубже, не только как столкновение личности с обществом, но и как столкновение с мировой гармонией. Самопознание для Н.А.Бердяева было поиском самого себя. Он не чувствовал себя по-настоящему и глубоко гражданином мира, гражданином общества, государства, семьи, профессии или какой-нибудь группировки, связанным единством судьбы. Философ соглашался признать себя лишь гражданином царства свободы, отрицал силу, враждебную пафосу личности, ненавидящую индивидуальность, желающую подчинить человека безраздельной власти *общего*, коллективной реальности, государству, нации, чувствовал себя человеком, выпавшим из-под власти общего, общеобязательного. Нацию, государство, семью, внешнюю церковность, общественность, социальный коллектив, космос он считал вторичным, второстепенным, даже призрачным и злым по сравнению с неповторимой индивидуальной судьбой человеческой личности. В процессе самопознания Н.А.Бердяев осознал, что важна не изоляция своей личности, не замыкание в себе и даже не самоутверждение, а «размыкание в универсум, наполнение универсальным содержанием, общение со всем».

В процессе самопознания Н.А.Бердяев пришёл к мысли о том, что «подлинные качества и достоинства людей не имеют никакого отношения к их иерархическому положению в обществе и даже противоположны. Гении не занимали никакого иерархического положения в обществе и не были иерархическими чинами, как и пророки и святые»[1,с.323].

Самым горьким знанием, которое приобретается с возрастом, Н.А.Бердяев считал возрастание недовольства собой, самокритику. Однако его можно преодолеть путём достижения состояния подъёма и экстаза, выводящего за пределы обыденности, экстаза мысли, экстаза чувства. Своей всегдашней целью он считал не гармонию и порядок, а подъём и экстаз. Жизнь рассматривалась Н.А.Бердяевым прежде всего как движение. Основной проблемой жизни он считал изменения собственного и изменения окружающих. В связи с движением и изменением происходят переоценки. Философ утверждал: «Личности нет без изменения, но личности нет и без неизменности, верного

себе субъекта изменения»[1, с.327]. Изменение он рассматривал как улучшение, восполнение, восхождение, а ухудшение называл изменой. Важно, чтобы личность оставалась верной себе, чтобы изменение не было изменой. Интересна мысль Н.А.Бердяева о том, что обогащение личности, её развитие может порождать обеднение в человеческом общении, разрыв с людьми, с которыми раньше был связан.

Н.А.Бердяев высказал интересные и важные мысли о роли искусства в самопознании. Несмотря на то, что он не имел достаточных познаний в музыке, имел плохой слух и плохую музыкальную память, не мог поддержать разговора о музыке, который поддерживают музыкальные люди и музыкальные критики, музыка глубоко потрясала его существо, преодолевала подавленное настроение. При этом он не столько погружался в стихию данной музыки, сколько испытывал творческий подъём своего существа, как бы окунаясь в другой мир. Смысл искусства философ видел в том, что оно переводит человека в иной, преображённый мир, освобождает от гнетущей власти обыденности и тогда, когда художественно изображает обыденность. Н.А.Бердяев любил читать исторические и авантюрные романы. Его оценка романа была связана со способностью автора заставить читателя войти в свой мир, иной, чем окружающая действительность. Кинематограф Н.А.Бердяев также любил, потому что он создавал иллюзию, уводящую от действительности. Н.А.Бердяев считал себя историософом, историческая литература, биографии исторических деятелей были для него пищей для эсхатологических размышлений.

В процессе самопознания Н.А.Бердяев с горечью обнаружил в себе патологическую и всеобъемлющую душевную и физическую брезгливость к жизни и миру, с которой боролся творческой мыслью, чтением, писанием, аскезой, созерцанием красоты, уходом в природу. Важно отметить, что он всегда очень любил остроумие, смех и смешное, в смехе видел освобождающее начало, возвышающее над властью обыденности.

В процессе самопознания Н.А.Бердяев осознал противоречивость человеческой природы. Духовная революционность может совмещаться в человеке с привычкой, анархизм с любовью к установившемуся порядку в жизни. Затраты сил на мышление и творчество вынуждали с помощью привычки как бы освобождаться от материального мира. Однако философ говорил и о мучительной чуждости ему мира, которая вызывала жгучее чувство тоски, сопровождавшей большую часть его жизни. Привычка была одной из форм борьбы с чуждостью мира. Он пытался создать вокруг себя привычный мир, ослабляющий тоску чуждости, очень любил свой кабинет, свои книги, так как всякое расставание с людьми, с местом и вещами обостряло тоску наступающей чуждости.

В процессе самопознания Н.А.Бердяев искал правды, она была как бы a priori его духовного пути. Ему никогда не удавалось достичь равновесия между мечтой и действительностью. С этим была связана дисгармоничность его жизни. Для понимания характера человека важно понять его отношение к счастью. Н.А.Бердяев никогда не верил в счастье в условиях этого мира, но счастливые мгновения считал возможными. Он считал бедой то, что никогда не мог по-настоящему воспользоваться счастливыми мгновениями. Радость он считал нужной человеку, иначе нельзя выдержать жизни. Вместе с тем радость для него всегда была отравлена мыслью о смерти, о страдании людей, о несправедливости жизни в этом мире, о кратковременности и непрочности всего. Лишь в одной области Н.А.Бердяев всегда мог целостно испытать жизненный подъём и радость, и этой областью было умственное философское творчество, которое противостояло обыденности, несправедливости, кратковременности и непрочности бытия. Творческую мысль философ считал неизменным содержанием своей жизни. Творчество, размышление было для него также гигиеной души.

Н.А.Бердяев придавал большое значение индивидуальному опыту, размышлял о том, что человек несёт в себе особый мир, с трудом понятный другим людям. И всё же общение этих разных человеческих миров философ считал возможным и призывал к этому общению стремиться. Он считал великой задачей достижение общности, общения, понимания в наиболее индивидуальном, оригинальном, единственном.

В работе «Самопознание» Н.А.Бердяев размышлял о конфликте личности и истории. Он писал о том, что существует «трагический конфликт истории, исторического процесса и личности, личной судьбы. Чувство этого конфликта основное моё чувство»[1, с.305]. Историю он рассматривал не как прогресс или регресс, а как трагическую борьбу добра и зла. Историю философ переживал как личную судьбу, так как личность вбирает внутрь себя весь мир, всё человечество, всю культуру. Вся мировая история происходит с личностью, так как личность является микрокосмом.

В процессе самопознания Н.А.Бердяев осмысливал тайну личности и пришёл к мысли о том, что тайна личности никому не понятна до конца, он утверждал, что «личность человеческая более таинственна, чем мир. Она и есть целый мир. Человек – микрокосм и заключает в себе всё» [1, с.14].

Представленный Ж.-Ж. Руссо, Л. Н.Толстым, Н.А.Бердяевым анализ процесса самопознания помогает понять сущность личности, определить оптимальные пути её развития.

Список использованных источников

1. Бердяев, Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии)/Н.А.Бердяев.– М.: «Книга»,1991.– 445с.
2. Руссо, Ж.-Ж.. Педагогические сочинения: В 2-х т.Т.2/Сост. А.Н.Джуринский/Ж.-Ж.. Руссо.— М.: Педагогика.1981.– 336с.
3. Толстой, Л.Н. Собрание сочинений. В 22-х т. Т. 16. Публицистические произведения. 1855–1886/Л.Н.Толстой.– М.: Худож. лит., 1983.– 447с.

УДК 159.9. 01

**ЭТОЛОГИЯ О ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА И ПРОБЛЕМАХ
РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ**

Т.А. Юрис

УО «БТЭУ ПК», г. Гомель, Республика Беларусь

Философия является выражением мироощущений и умонастроений людей определённой эпохи. Неклассическая философия отразила разочарование человечества в достигнутых результатах своего развития. В истории неоднократно появлялись выдающиеся личности, которые чутко улавливали дух времени, суть назревших перемен, артикулировали новые идеалы, ценности и цели общественного развития, имевшие магнетическое воздействие на массы и вдохновлявшие их на преобразование различных сфер общественной жизни. Однако между первоначальными идеалами, целями и планами, с одной стороны, и достигнутыми результатами, с другой стороны, как правило, обнаруживалась большая разница. Всегда получалось нечто иное, отличное от первоначального замысла, отягощённое не предполагавшимися отрицательными последствиями, вызывавшими недоумение и разочарование у самих реформаторов.

Остались, например, неосуществлёнными великие идеалы христианства. Несмотря на то, что приверженцами этой мировой религии считают себя более двух миллиардов землян, жить в соответствии с христианскими заповедями могут немногие. Ф.Ницше с присущей ему смелостью и категоричностью высказываний вообще утверждал, что «в сущности, христианин был только один, и тот умер на кресте».

Не реализованы мечты гуманистов эпохи Возрождения о всестороннем, богатом развитии индивидуальности, утверждении образованности и таланта в качестве важнейших критериев оценки личности. Мы живём в эпоху востребованности системой общественного производства узкоспециализированных профессионалов, и оценивают нас чаще всего по законам рынка, а не по нашим человеческим качествам и духовным достоинствам.

Забыты мечты ренессансных и более поздних утопистов о построении общества, в котором смысл жизни людей будет заключаться во всемерном развитии своих физических и духовных способностей. Современное общество реализовало совершенно иной – потребительский – проект. Вместо саморазвития и самосовершенствования люди стремятся к большему уюту и комфорту, к большему личному пространству, к большей мобильности и наслаждаются чувством растущих возможностей.

Реформация ставила себе цель – утверждение религиозной свободы. Цель была достигнута, но победа оказалась пирровой, так как привела к крушению самой религии. Утвердившийся в западной цивилизации рациональный стиль мышления существенно снизил мистические, не поддающиеся пока научному объяснению способности людей к восприятию сверхчувственной реальности, являющиеся фундаментом религиозного мировоззрения. Ощущение метафизических измерений действительности сменилось «онтологическим нигилизмом», по выражению М.Хайдеггера.

Потерпела крушение просветительская программа устранения общественных зол и установления нового общественного устройства. Вера в мощь человеческого разума, в его безграничные возможности оказалась преувеличенной. В реальности способностей разума не хватило для претворения в жизнь лозунга Великой французской буржуазной революции «Свобода, равенство,